Игумен Виталий (И. Н. Уткин)

РОССИЙСКИЙ ПРАВОСЛАВНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ СВ. ИОАННА БОГОСЛОВА,
МОСКВА, РОССИЯ

«Патриаршая власть всегда остаётся в Церкви налицо во всём её объёме»: патриарх Тихон, митрополит Сергий (Страгородский) и идеи церковной демократии

Аннотация. Резкая критика, высказываемая со стороны оппонентов в адрес патриарха Тихона и митрополита Сергия (Страгородского), была связана не столько с их комплиментарными высказываниями в адрес Советской власти (у патриарха Тихона такие высказывания известны с 1923 года), сколько с их методами управления. Оппоненты считали, что патриарх Тихон и митрополит Сергий разрушают сложившуюся по итогам Поместного Собора 1917–1918 годов церковную демократию. В начале XX века такая демократия именовалась соборностью, под которой подразумевалось церковное представительство, система выборов снизу доверху с периодичностью в несколько лет. Впервые на конкретно-политическом уровне церковно-демократическая система, превращающая Церковь в республику, была предложена так называемой «группой 32-х» в 1905 году, когда ожидался созыв Поместного Собора.

Однако идеи внутрицерковного республиканизма активно развивались на протяжении всей второй половины XIX — начала XX века. Сложившаяся после духовно-школьной реформы система представительских церковных учреждений на благочинническом и епархиальном уровнях являлась на протяжении полувека школой демократии для русского духовенства. Республиканские идеи оставались сильны и на Поместном Соборе 1917–1918 годов. Именно они являлись главной основой противодействия планам введения патриаршества. Хиротонии обновленцами женатых пресвитеров во епископы без принятия монашества, а затем признание на так называемом Втором Всероссийском Поместном соборе 1923 года женатого епископата вывели обновленческую Р.П.Ц.¹ (Российская православная церковь) за пределы канонического поля, что обновленцами вполне осознавалось. Поэтому они стремились надстроить церковно-демократическую систему, образовавшуюся внутри их структур после «упразднения» патриаршества в 1923 году, до вселенского уровня. Обновленцами совместно с греками разрабатывались планы периодического регулярного проведения представительских собраний Поместных Церквей, которые именовались ими Вселенскими Соборами. На этих Соборах предполагалась радикальная трансформация как канонического строя, так, в дальнейшем, и догматического вероучения Православной Церкви. Таким образом, при благоприятных исторических обстоятельствах развитие русского церковного республиканизма могло бы кардинально подорвать основы Вселенского Православия. Однако патриаршая власть в постреволюционной России встала на пути этих планов. Такие действия патриаршей власти заставляют внимательно присмотреться к восприятию московского митрополита, а затем патриарха в русском церковном сознании XV–XVII веков, где факт повторной епископской хиротонии указывает на то, что Глава Церкви не был просто одним из епископов.

Ключевые слова: Церковь, патриарх Тихон, митрополит Сергей, власть, обновленчество, церковная демократия, республиканизм, выборы, Собор, хиротония

Для цитирования: Виталий (Уткин И. Н.), игум. «Патриаршая власть всегда остаётся в Церкви налицо во всём её объёме»: патриарх Тихон, митрополит Сергей (Страгородский) и идеи церковной демократии // Ортодоксия. — 2024. — № 2. — С. 206–233. DOI: 10.53822/2712-9276-2024-2-206-233

¹ Данная аббревиатура имеет обновленческое происхождение — по образцу Р.С.Ф.С.Р. (именно так, с точками, писали в 20-е годы).

В самом начале 1930 года митрополит Сергей (Страгородский) писал священномученику митрополиту Кириллу (Смирнову): «Смысл единоличного Заместительства в том и состоит, что патриаршая власть всегда остаётся в Церкви налицо во всём её объёме, хотя бы она в данных руках была лишь на очень короткое время и хотя бы до этих рук она дошла через много промежуточных ступеней» (Митрополит Сергей 2020: 359).

Между тем именно эта власть и была реальным камнем преткновения для внутрицерковных соперников и будущего патриарха Сергия (Страгородского), и патриарха Тихона (Беллавина).

В апреле 1927 года известный церковный деятель епископ Томский князь Андрей (Ухтомский) написал Святейшему Патриарху Тихону гневное письмо, в котором обвинил его в радикальном подрыве церковной соборности. Епископ Андрей утверждал, что после выхода из тюрьмы в 1923 году патриарх Тихон не совершил ничего, кроме «торжественных богослужений». Князь-епископ писал патриарху Тихону: «Вы окружили себя архиереями, не известными даже для их собственной паствы; Вы по-прежнему не знаете никакой программы устройства церковно-общественной жизни» (Конфессиональная политика 2017: 500). По словам епископа Андрея, розы, которыми московские богомольцы «устилают путь» патриарха, не «успокаивают народной совести», «для этого нужны иные пути — твёрдые и ясные» (Конфессиональная политика 2017: 500).

Таковыми путями томский архипастырь считал «создание церковной соборности, обязательное введение выборного начала и уничтожение в церковной жизни “назначенства”» (Конфессиональная политика 2017: 500). Одновременно епископ Андрей требовал «в параллель с гражданской федерацией деления России на автономные архиепископии» и «радикального уничтожения всяких намёков на глупый русский клерикализм» (Конфессиональная политика 2017: 500).

В октябре 1927 года епископ Ижевский и Воткинский Виктор (Островидов), будущий священномученик, как и ряд других архипастырей, священников и мирян, обвинил митрополита Сергия в разрушении Церкви «в порядке управления», то есть в нарушении церковно-демократического строя (Акты 1994: 532–533). Тогда же авторы «Киевского воззвания» в ответ на так называемую «Декларацию» митрополита Сергия подчёркивали, что созданный при нём Синод «организован совершенно не так, как предполагает постановление Московского собора 1918 года: он не избран соборно, не уполномочен епископатом», поэтому и не может считаться «представительством» последнего (Акты 1994: 518).

Епископ Прилуцкий Василий (Богдашевский) подчёркивал, что для Церкви политическая линия, принятая её предстоятелем, не является обязательной. «Никто во Всероссийской Православной Церкви не может принуждать (прямо или косвенно) церковными мерами другого члена Церкви примыкать к чьей-либо политике, хотя бы патриаршей», — писал он с Соловков, ссылаясь при этом на постановление Поместного Собора от 2 (15) августа 1918 года, которое, с его точки зрения, мог отменить только новый Всероссийский Поместный собор (Акты 1994: 520). С его точки зрения, попытка митрополита Сергия примириться с большевиками не дала пока надежды на «Христов мир» не столько даже из-за позиции самой Советской власти, сколько потому, что эта попытка «начата и движется вперёд не по каноническим рельсам» (Акты 1994: 521).

То есть критики позиции патриарха Тихона и митрополита Сергия (Страгородского) со стороны иерархии исходили не из антисоветской позиции.

Например, тот же князь-епископ Андрей (Ухтомский) в 1928 году в очередную годовщину октябрьского переворота писал о В. И. Ульянове-Ленине: «Ленина я ставлю наряду с первоклассными русскими людьми вроде Петра Великого и Льва Толстого. Императора Петра я считаю первым русским революционером-большевиком. Лев Толстой — это воплощение русского большевистского духа во всемирной литературе... Ленин изломал всё, что дала нам, русским людям, петербургская цивилизация, и возвратил русским людям русскую столицу Москву... Ленин был великий полководец на политическом поле сражения... Ленин был человек огромного ума и всестороннего образования... У лучших русских мыслителей он заимствовал самую форму борьбы за социальную правду... Советизация есть истинно русское слово, которое русская культура внесла во всемирную сокровищницу мысли и жизни» (Священномученик Архиепископ Уфимский Андрей 2013: 698–699).

В отклике на «Декларацию» православных епископов, заключённых на Соловках, подчёркивалось: «Мы одобряем сам факт обращения Высшего Церковного Учреждения к Правительству с заверением о лояльности Церкви в отношении советской власти во всём, что касается гражданского законодательства и управления. Подобные заверения, неоднократно высказанные Церковью в лице почившего Патриарха Тихона, не рассеяли подозрительного отношения к Ней Правительства; поэтому повторение таких заверений нам представляется целесообразным. Мы

вполне искренне принимаем чисто политическую часть послания» (Акты 1994: 515).

Уже достаточно давно было высказано мнение, что главной причиной неприятия многими архипастырями «Декларации» митрополита Сергия являлись не столько «принципиальные вопросы церковной политики», сколько «административные перемещения и увольнения». Это расценивалось как вмешательство Советской власти во внутрицерковную жизнь, приводящее к перемещениям архиереев (История Русской церкви 1997: 166).

Дело в том, что тем самым нарушался коренной принцип церковно-демократической системы, сложившейся по результатам Всероссийского Поместного собора 1917–1918 годов, когда архиереи избирались епархиальными съездами и оказывались несменяемыми, о чём подробнее мы скажем ниже. Однако пример митрополита Иосифа (Петровых) и созданного им «иосифлянского раскола» показывает, что архипастыри, даже неизбранные такими епархиальными съездами, не могущими полноценно собраться в силу давления Советской власти, вполне считали себя несменяемыми.

С 1920 года Иосиф (Петровых) была архиепископом Ростовским, викарием Ярославской епархии. Духовенство Петрограда, переименованного после смерти В. И. Ленина в Ленинград, подыскивало для себя лояльного архиерея, и в августе 1926 года, на основании ходатайства группы такого статусного духовенства северной столицы именно Заместитель Патриаршего Местоблюстителя митрополит Сергей (Страгородский) назначил архиепископа Иосифа на Ленинградскую кафедру, возвёл его в сан митрополита с возложением белого клобука (Священномученик Иосиф 2011: 157). Однако вскоре он был арестован и сослан в Вологодскую область, откуда с согласия властей переехал снова в Ростов Великий (Шкаровский 2011: 650). В сентябре 1927 года на заседании Синода под председательством митрополита Сергия было принято решение о перемещении митрополита Иосифа «по соображениям большей пользы церковной» из Ленинграда на Одесскую кафедру (Шкаровский 2011: 650).

Митрополит Иосиф заявил, что «не желает оказывать послушание церковной власти», которая находится, как он выразился, «в рабском состоянии» (Шкаровский 2011: 651). При этом он стал ссылаться на определение Всероссийского Поместного собора «Об епархиальном управлении», принятое в феврале 1918 года², хотя сам его перевод на

² Об епархиальном управлении. — Поместный Собор 1917–1918. Тексты Поместного Собора

Ленинградскую кафедру, сделанный тем же митрополитом Сергием (Страгородским), который позднее и снял его с неё, имел к этому определению весьма условное отношение. Митрополит Иосиф также стал говорить о незаконности других перемещений архиереев, сделанных митрополитом Сергием и состоящим при нём Синоде (Шкаровский 2011: 651). Итогом стал церковный раскол.

В декабре 1927 года заместитель Патриаршего местоблюстителя митрополит Сергей (Страгородский) и Временный при нём Патриарший Священный Синод обратились с посланием к архипастырям, пастырям и всем верным чадам Святой Православной Российской Церкви. В нём констатировалось, что митрополит Сергей воспринял свою власть в тот момент, когда «расстройство церковных дел дошло, казалось бы, до последнего предела, и церковный корабль почти не имел управления» (Акты 1994: 548). В послании утверждалось, что «центр был мало осведомлён о жизни епархий», епархии, в свою очередь, «часто лишь по слухам знали о центре», приходы «жили отдельной жизнью» и не знали «за кем идти, чтобы сохранить Православие» (Акты 1994: 548). Обрушившиеся на Русскую Церковь смута и череда расколов делали фактически невозможной ту самую церковную демократию, которая была вековым чаянием русского духовного сословия.

На протяжении XIX столетияросло политическое самосознание русского духовенства. Оно обладало весьма высоким уровнем образования, однако находилось в прямой зависимости от государственной и епархиальной власти, исполняло функции мелкого правительственного агента на местах. Священнослужитель вёл метрические книги — запись актов гражданского состояния, фиксировал в ведомостях причастников политическую лояльность паствы (кто не причащался — попадал со стороны государственной власти под подозрение в расколе и сектантстве). Он же, выполняя те или иные распоряжения власти, должен был агитировать крестьян за разведение картофеля, заниматься оспопрививанием, выполнять массу схожих функций. После духовно-школьной реформы 1814 года храмы фактически лишились основной части своих доходов, изымавшихся государством. Они были обременены массой дополнительных епархиальных налогов.

Православной Российской Церкви (1917–1918). — URL: <http://sobornost.online/2019/06/01/5-ob-eparhialnom-upravlenii/> (дата обращения: 29.02.2024).

Однако с 1867 года развивается внутрицерковная представительская система. Появились регулярно созываемые епархиальные и благочиннические съезды, которые распределяли финансовые сборы с приходов на содержание семинарий, духовных училищ, епархиальных женских училищ, избирались члены семинарских правлений. Всё это на протяжении полувека перед революцией 1917 года стало полноценной школой церковной демократии для трёх поколений духовенства (Виталий (Уткин) 2021: 130–141).

В марте 1905 года газетой Санкт-Петербургской духовной академии «Церковный вестник» с согласия первенствующего члена Святейшего Правительствующего Синода митрополита Антония (Вадковского) была опубликована программа демократических церковных реформ «О необходимости перемен в русском церковном управлении»³, ставшая впоследствии известна как «Записка 32-х» (по числу участников группы, подавшей данный текст в виде докладной записки митрополиту Антонию).

В ней провозглашалось, что «стремление к церковной свободе» есть также стремление к «восстановлению канонического строя». Предлагались создание массы маленьких епархий на уровне уездных городов, выборность епископата «местной Церковью», то есть епархией, полное равенство всех таких выборных епископов между собой, запрет на получение епископами внешних наград и отличий, необходимость совместного «пастырского служения» епископа с «советниками и сотрудниками» в лице «сонма пресвитеров», то есть подчинение слабого, избранного епископа избравшему его духовенству. Главный город области (губернии) должен иметь митрополита, который, однако, без собираемого периодически областного собора митрополии не может никак вмешиваться в дела малых епархий. Вся эта система должна была надстраиваться высшим для Российской Церкви органом представительства епархий — регулярно собираемым Поместным Собором (К церковному собору 1906: 6–8).

В мае 1905 года эта же группа подала митрополиту Антонию (Вадковскому) вторую записку под названием «О церковном соборе». Она тоже была опубликована в издании СПбДА «Церковный вестник»⁴. В ней настаивалось, чтобы в предполагавшемся к созыву Поместном Соборе наряду с епископатам принимали участие пресвитеры и миряне, специально избираемые для этого на епархиальных съездах (К церковному собору 1906: 20). Таким образом, предполагалось, что Поместный Собор

³ О необходимости перемен в русском церковном управлении. Мнение группы столичных священников // Церковный вестник. — 1905. — № 11. — С. 321–325.

⁴ О составе Церковного собора // Церковный вестник. — 1905. — № 21. — С. 641–648.

должен превратиться в общецерковное представительство, не сводящееся к собранию только апостольских преемников-епископов.

По сути, обе эти записки стали программой церковной революции. Идеи, изложенные в них, широко обсуждались. Будущий патриарх Сергей (Страгородский), который в октябре 1905 года стал архиепископом Финляндским и Выборгским, также принял участие в дискуссии, причём выступил на демократической стороне.

В том же «Церковном вестнике» он опубликовал свою программную статью, посвящённую составу планируемого Поместного Собора, в которой отстаивал программу широкого участия в нём пресвитеров и мирян. Будущий патриарх подчёркивал, что исторически участниками подобных Соборов были одни епископы, однако в современных условиях нужно добиваться «общедоступности», «общенародности» для «первого поместного собора» (Сергий (Страгородский) 1905: 1610–1611).

Он заявлял, что приходам должно быть дано право избирать четырёх представителей, «безразлично — клириков или мирян», на благочиннический съезд, благочиннический съезд, также «безразлично» — являются избранными миряне или клирики, посылает делегатов на епархиальный съезд. Последний избирает четырёх делегатов на Поместный Собор, из числа которых должен быть один клирик, на Собор едет в обязательном порядке и епархиальный архиерей (Сергий (Страгородский) 1905: 1611–1612).

Особенно значимым в этом проекте было следующее. Сама церковная реформа, созыв демократического Поместного Собора был чаянием преимущественно белого духовенства, которое пыталось через Собор установить контроль над своими приходами, лишить, по сути, епархиальную власть её традиционных полномочий. Архиепископ Сергей (Страгородский) предлагает систему выборов, при которой «не будет духовенства, как отдельной сплочённой группы, стоящей против мирян, а будут лишь представители приходов» (Сергий (Страгородский) 1905: 1612). Тем не менее его предложения носили, конечно, церковно-революционный характер и являлись частью демократического церковного процесса.

Февральская революция 1917 года стала одновременно и церковной революцией. Все основные церковно-демократические идеи предшествующего полувека нашли теперь свой выход вовне. Оба будущих патриарха, и Тихон (Беллавин), и Сергей (Страгородский), принимали активное участие в этих революционных процессах. К моменту революции они

являлись членами Святейшего Правительствующего Синода и их подписи стоят под знаменитым синодальным посланием к всероссийской пастве от 9 (22) марта 1917 года. В этом послании говорилось: «Свершилась воля Божия. Россия вступила на путь новой государственной жизни. Да благословит Господь нашу великую Родину счастьем и славой на её новом пути». Паства призывалась объединиться «в братской любви на благо России», довериться Временному правительству, «чтобы трудами и подвигами, молитвою и повиновением облегчить ему великое дело водворения новых начал государственной жизни» (Послание 1917: 57).

Подписавшийся под посланием архиепископ Литовский Тихон (Беллавин) вряд ли стал бы впоследствии Патриархом Всероссийским, если бы летом 1917 года он не был бы предварительно избран на Московскую кафедру. Это избрание стало прямым следствием произошедшей церковной революции.

Члены Святейшего Правительствующего Синода, в том числе два будущих патриарха — Тихон и Сергей, оказали содействие Временному правительству в самые первые дни после Февральской революции. Сказывалось раздражение синодалов против двух столичных митрополитов — митрополита Петроградского Питирима (Окнова) и святителя, митрополита Московского Макария (Невского), крупного русского миссионера, просветителя Алтая. Считалось, что эти два архипастыря слишком тесно были связаны с царской властью и Г. Е. Распутиным и недостаточно считались с мнением остальных членов Синода. То есть перед нами фактор церковно-политической борьбы в среде высшей иерархии на фоне общеполитической революции.

Ещё 24 февраля 1917 года взвинченная революционная толпа на Невском проспекте попыталась остановить карету митрополита Макария. Синодалы только шутили по этому поводу: «Пора старцу на покой». 28 февраля был арестован митрополит Питирим (Окнов). Доставленный в Государственную думу, он подал М. В. Родзянко прошение об увольнении. Петроград остался без митрополита. 12 марта церковная Москва изменила и святителю Макарию. Представители духовенства и мирян с готовностью свидетельствовали перед прибывшим в первопрестольную революционным обер-прокурором В. Н. Львовым о якобы полном расстройстве церковных дел. Вернувшийся на кафедру из столицы митрополит Макарий поддался было давлению и написал прошение об увольнении. Однако ректор Московской духовной академии епископ Волоколамский Феодор (Поздеевский), увольнения

которого добивалась восставшая корпорация академии, уговорил 82-летнего святителя Макария продолжить борьбу. Святитель Макарий прибыл в Троице-Сергиеву лавру и заявил, что не уходит с кафедры. Он подготовил послание архиереям с просьбой о поддержке. 5 апреля митрополит Макарий и епископ Феодор были подвергнуты революционными властями домашнему аресту. Епископу Феодору пришлось покинуть Московскую духовную академию, он был переведён в Данилов монастырь. В. Н. Львов дал крайне негативное интервью о святителе Макарии, основанное на письме секретаря местной консистории Петропавловского о злоупотреблениях в Московской епархии. Святитель Макарий отверг все эти заявления и продолжал считать себя московским митрополитом, физически находясь в Николо-Угрешском монастыре (Рогозный 2018: 48–52).

С 21 по 25 марта в Москве проходил Чрезвычайный съезд духовенства и мирян, принявший решение о проведении выборов митрополита при живом митрополите. Главным претендентом на кафедру был мирянин, бывший обер-прокурор Святейшего Синода, московский предводитель дворянства и лидер московской оппозиции перед Февральской революцией А. Д. Самарин. Среди кандидатов на московскую кафедру также рассматривались архиепископ Платон (Рождественский), епископ Андрей (Ухтомский) (Рогозный 2018: 129–130).

На предстоящие выборы в Москве была выдвинута и кандидатура архиепископа Виленского и Литовского Тихона (Беллавина). На протяжении Первой мировой войны будущий патриарх находился в эвакуации в первопрестольной. Теперь он вступил в борьбу за московскую кафедру.

19–21 июня 1917 года прошёл Московский съезд духовенства и мирян, посвящённый выборам митрополита. При баллотировке равное число голосов (по 297) набрали А. Д. Самарин и архиепископ Тихон, остальные претенденты значительно отстали. 21 июня состоялось повторное голосование. Оно проходило в торжественной обстановке в Храме Христа Спасителя, после торжественного совершения Божественной литургии. В результате будущий Патриарх Тихон получил 481 голос, а А. Д. Самарин — 303 (Рогозный 2018: 130).

Газета «Московский листок» особо отмечала, что справа от иконостаса Храма Христа Спасителя во время литургии перед выборами расположился «хор из 600 священников, диаконов и псаломщиков, облачённых в епитрахили или стихари из золотой парчи». А вот на правом клиросе

расположились революционный обер-прокурор Синода В. Н. Львов и члены американской миссии в России (Ради мира церковного 2006: 40).

Это наблюдение американских представителей за церковными выборами в Москве заставляет вспомнить тот факт, что в 1898–1907 годах будущий патриарх Тихон весьма успешно трудился в США, где перенёс русскую православную кафедру из Сан-Франциско в Нью-Йорк. Там он освятил новый собор, открыл десятки приходов и семинарию, вступил в тесное взаимодействие с американским истеблишментом (Святитель Тихон 2013: 22–34). В годы Первой мировой войны и особенно после Февральской революции США активно входили в революционную Россию, стремясь упрочить здесь своё влияние (Ганелин 1969: 81–177). Вся эта проблематика нуждается в дальнейшем изучении.

Занятие московской кафедры дало возможность святителю Тихону быть избранным 18 августа того же 1917 года председателем Поместного Собора в Москве и привело его в конечном счёте к патриаршеству. Таким образом, мы можем констатировать, что продвижение будущего патриарха Тихона в самый центр разворачивающихся событий было напрямую связано с церковной революцией. Он был поднят наверх революцией, однако он же и встал на её пути.

На протяжении весны-осени 1917 года развивались две церковно-политические тенденции. Одна из них была связана с церковной революцией, в ходе которой в Русской Церкви утверждалось выборное начало снизу доверху, архиереи изгонялись с кафедр, новые или прежние архипастыри проходили через избрание на епархиальных съездах. Вторая была связана с противодействием церковной революции со стороны иерархического начала.

Решение Поместного Собора в октябре 1917 года о необходимости избрания патриарха вызвало бурные протесты у значительной части соборян. В отделе «О высшем церковном управлении» 32 члена высказались против этого решения, доказывая, что единоличная патриаршая власть не только нарушает принцип соборности, но, по словам профессора И. М. Громогласова, не вызвана «ни каноническими, ни церковными основаниями». Против патриаршества активно высказывались профессора А. И. Бриллиантов и Б. В. Титлинов. Они рассматривали Церковь как общественное образование, доказывали, что патриаршество — институт монархического характера, а соборность подразумевает церковно-республиканский строй, основанный на выборах. 28 октября 1917 года при голосовании о восстановлении патриаршества Собор

разделился практически пополам: 141 голос за, 112 против (Сафонов 2019: 20–21).

Всё это показывало мощь церковно-демократической тенденции, стремления к «собороправству». Она была совершенно естественной, так как доминировала в церковном сознании в предшествующие многие десятилетия. Тем не менее 5 ноября 1917 года в Храме Христа Спасителя по жребию был избран патриарх Тихон. При этом при голосовании на Поместном Соборе из 25 кандидатов наибольшее число голосов (101) получил архиепископ Антоний (Храповицкий), известный правый мыслитель, проповедник, издатель и политик (Сафонов 2019: 21–22).

Таким образом, патриарх Тихон был избран вопреки желанию соборного большинства — как противников патриаршества в принципе, так и сторонников других кандидатов. Однако Господь указал именно на него в Своём жребии. Так воля Божия через патриаршество стала ограничением «собороправства», то есть церковного демократизма, республиканизма.

Патриаршество как институт стало ограничителем для церковной демократии. Однако, так как республиканская идея в Церкви оставалась очень сильной, решения Поместного Собора 1917–1918 годов в отношении устройства Высшего Церковного Управления оказались компромиссными. Доцент по кафедре церковного права Московской духовной академии, ставленник архиепископа Феодора (Поздеевского) Н. Д. Кузнецов, который являлся одним из наиболее авторитетных правоведов на Соборе, требовал максимально ограничить круг полномочий патриарха. Однако архимандрит Иларион (Троицкий), будущий священномученик, утверждал, что недостаточно указать только на возглавление патриархом Синода и Высшего Церковного Совета, необходимо указывать, что «всё Церковное Управление», то есть вообще вся высшая церковная власть восходят к патриарху «как главе» (Сафонов 2019: 22).

Таким образом, не столько юридически, сколько церковно-онтологически патриарх начинает восприниматься как Глава Церкви.

Система церковного управления, согласно решениям Поместного Собора 1917–1918 годов, выглядела следующим образом. Архиерей избирался клиром и мирянами епархий. Однако в примечании указывалось, что «в исключительных и чрезвычайных случаях, ради блага церковного, допускается назначение и перемещение архиереев высшею

церковною властью»⁵. Так как очень быстро вся вообще жизнь страны приняла «исключительный и чрезвычайный» характер, патриарх Тихон, как увидим ниже, будет активно пользоваться этим примечанием. На три года избиралось Епархиальное собрание, состоящее из клириков и мирян, которое, в свою очередь, избирало членов Епархиального Совета, Епархиального Суда и других должностных лиц⁶.

Было установлено, что «в Православной Российской Церкви высшая власть — законодательная, административная, судебная и контролирующая — принадлежит Поместному Собору, периодически, в определённые сроки созываемому, в составе епископов, клириков и мирян»⁷. Высшее Церковное Управление состояло из Священного Синода, Высшего Церковного Совета и их соединённого присутствия. Священный Синод состоял из председателя — патриарха и двенадцати членов. Из них только один иерарх, Киевский митрополит, был постоянным, шесть иерархов избирались Поместным Собором на три года, пять иерархов кооптировались на основе ежегодного вызова по очереди. Высший Церковный Совет, занимающийся хозяйственными и просветительскими делами, а также осуществляющий функции ревизии и контроля, состоял из председателя — патриарха и пятнадцати членов, причём три иерарха, члена Синода, делегировались последним, а остальные избирались на межсоборный срок в три года⁸.

Таким образом, вся церковная система была пронизана выборами, снизу доверху. Раз в три года выборы предполагались всеобщими, на Поместный Собор. Патриарх созывал Соборы и председательствовал на них, председательствовал в Священном Синоде и Высшем Церковном Совете, являлся представителем Церкви перед государственной властью, сносился с Автокефальными Поместными Церквями, мог обращаться ко всей Русской Церкви с учительными посланиями и пастырскими

⁵ Об епархиальном управлении. — Поместный Собор 1917–1918. Тексты Поместного Собора Православной Российской Церкви (1917–1918). — URL: <http://sobornost.online/2019/06/01/5-ob-eparhialnom-upravlenii/> (дата обращения: 29.02.2024).

⁶ Там же.

⁷ О высшем управлении Православной Российской Церкви. — Поместный Собор 1917–1918. Тексты Поместного Собора Православной Российской Церкви (1917–1918). — URL: <http://sobornost.online/2019/06/01/1-o-vysshem-upravlenii-pravoslavnoj-rossijskoj-czerkvi/> (дата обращения: 29.02.2024).

⁸ О Священном Синоде и Высшем Церковном Совете. — Поместный Собор 1917–1918. Тексты Поместного Собора Православной Российской Церкви (1917–1918). — <http://sobornost.online/2019/06/01/3-o-svyashhennom-sinode-i-vysshem-czerkovnom-sovete/> (дата обращения: 29.02.2024).

воззваниями. Он же давал отпуска архиереям и принимал жалобы на них, мог посещать епархии⁹.

10 августа 1918 года Поместный Собор принял постановление «О местоблюстителе патриаршего престола». Ни о каком назначении патриархом при жизни своего местоблюстителя там речь не шла. В случае «освобождения патриаршего престола» на время «междупатриаршества» соединённое присутствие Священного Синода и Высшего Церковного Совета избирало местоблюстителя, главной задачей которого был созыв нового Поместного Собора для избрания патриарха¹⁰. Передача патриаршей власти по наследству конечно же не предусматривалась.

Патриарх Тихон стал активно пользоваться патриаршей властью. Уже 28 ноября 1917 года он издал указ о возведении в сан митрополита пяти старейших архипастырей Православной Российской Церкви, среди которых был и будущий патриарх, тогда архиепископ Владимирский и Шуйский Сергей (Страгородский), которого в тот же день чуть раньше патриарх Тихон утвердил в его должности на основании избрания епархией (Сафонов 2019: 23). 15 декабря 1917 года от лица «православного русского народа» патриарх Тихон направил поздравление королю Великобритании по поводу взятия Иерусалима английскими войсками, ознаменовавшего «начало освобождения Святой земли от иноверного владычества» (Акты 1994: 68). 11 января 1918 года он обратился с братским призывом к грузинским епископам-автокефалистам (Акты 1994: 71–75).

23 января 1918 года патриарх Тихон своим указом назначил временно управляющим Рижской епархией новохиротонисанного епископа Ревельского Платона (Кульбуша) (Акты 1994: 77), 1 апреля того же года вместе со Священным Синодом постановил викарию Оренбургской епархии епископу Челябинскому Серафиму быть епископом Полоцким и Витебским, а архиепископу Тамбовскому и Шацкому Кириллу (Смирнову), будущему священномученику, быть митрополитом Тифлисским и Бакинским, экзархом Кавказским (Акты 1994: 113–114). Причём когда 4 июля 1918 года, уже во

⁹ О правах и обязанностях Святейшего Патриарха Московского и всея России. — Поместный Собор 1917–1918. Тексты Поместного Собора Православной Российской Церкви (1917–1918). — <http://sobornost.online/2019/06/01/2-o-pravah-i-obyazannostyah-svyatejshego-patriarha-moskovskogo-i-vseya-rossii/> (дата обращения: 29.02.2024).

¹⁰ О местоблюстителе патриаршего престола. — Поместный Собор 1917–1918. Тексты Поместного Собора Православной Российской Церкви (1917–1918). — <http://sobornost.online/2019/06/01/31-o-mestoblyustitele-patriarshego-prestola/> (дата обращения: 29.02.2024).

время пребывания митрополита Кирилла в Баку, епархиальный съезд в Нижнем Новгороде избрал его на Нижегородскую кафедру (216 голосами из 324), то патриарх Тихон, вопреки этому демократическому избранию, категорически настоял на оставлении будущего священномученика Кирилла в прежней должности митрополита Тифлисского и Бакинского. Затем это решение патриарх Тихон провёл 21 октября 1918 года через решение Синода (Мазырин: 365).

На протяжении 1919–1921 годов были совершены как минимум 83 архиерейские хиротонии. Известный исследователь реформ епархиального управления архиепископ Зеленоградский Савва (Тутунов) подчёркивал, что о практике избрания епископов епархиальными собраниями на основании решений Поместного Собора 1917–1918 годов практически ничего не известно (Савва (Тутунов) 2011: 381). И хиротонии, и назначения, таким образом, оказывались в значительной степени прерогативой Святейшего Патриарха и Священного Синода. Хотя так нельзя сказать именно обо всех архиерейских хиротониях. В своём первом после выхода из заключения послании к пастве 28 июня 1923 года патриарх Тихон писал, что из 60 прибывших на Второй Всероссийский Поместный собор, принявший решение о «лишении» его сана и монашества, он знает только «человек 10–15». «А где же прежние?» — задавал он риторический вопрос (Акты 1994: 284). Таким образом, можно констатировать, что именно хиротонии архиереев стали предметом борьбы вокруг усиливающейся патриаршей власти и её противников из числа республиканско-демократического духовенства, защищавшего «собороправство».

Однозначно актами патриаршей власти были известные послания патриарха Тихона от 19 января 1918 года об анафематствовании творящих беззакония и гонителей веры и Церкви Православной (Акты 1994: 82–85) и от 18 марта того же года по поводу Брестского мира (Акты 1994: 107–109), известное постановление № 362 от 20 ноября 1920 года о том, как действовать епархиям в случае прекращения деятельности Высшего Церковного Управления во главе с Патриархом (Акты 1994: 169), указы о даровании широкой церковной автономии вновь возникшим Эстонской и Финляндской Православным Церквам (Акты 1994: 173).

Прямым действием патриаршей власти было и завещательное распоряжение патриарха Тихона о назначении Местоблюстителей Патриаршего престола, чему в 1923 году возмущался лидер обновленцев лжемитрополит Александр Введенский (Акты 1994: 87).

1921 год стал коренным рубежом укрепления самостоятельности патриаршей власти. В сентябре 1918 года Поместным Собором было принято постановление, согласно которому патриарху поручалось собрать новый Собор весной 1921 года, а полномочия членов Священного Синода и Высшего Церковного Совета продлевались до избрания этих органов на новом Соборе¹¹. Однако уже в декабре 1920 года стало ясно, что без нормализации отношений с Советской властью созыв Собора невозможен. Между тем часть избранных Поместным Собором 1917–1918 годов членов Высшего Церковного Управления находилась в заключении и ссылках, часть покинула Россию. Начинается процесс кооптации новых членов в состав Высшего Церковного Управления на основе, не предусмотренной соборными постановлениями. Причём особенно примечательно, что инициатором данных перемен стал митрополит Сергей (Страгородский), будущий патриарх (Сафонов 2019: 61–63). Эти события явились концом демократического «собороправства» в рамках Патриаршей Церкви. Далее инициатива в вопросе развития церковной демократии перешла уже к обновленцам.

Периодические выборы органов церковного управления снизу доверху с самого начала предполагали наличие внутрицерковных партий. Первой такой протопартией в 1905 году стал «Союз церковного обновления», созданный на основе петербургской «группы 32-х». Он являлся именно прообразом партии, так как предполагал широкую агитацию в различных епархиях за программу церковных реформ. Союз претендовал на создание всероссийской организации (Балакшина 2015: 96). 7 марта 1917 года часть бывших членов «Союза церковного обновления» создала в Петрограде «Всероссийский союз православного демократического духовенства и мирян». Стремление к демократическим преобразованиям в Церкви сочеталось в нём с идеями «республики и социализма» (Федоров 2005: 686). Наконец в условиях жесточайшего церковно-политического кризиса в 1922 году при поддержке ГПУ возникает внутрицерковная группа «Живая церковь», которая ставила своей целью не только ликвидацию патриаршества и углубление демократических реформ в Церкви, но и активно

¹¹ О созыве очередного Собора и о полномочиях членов Священного Синода и Высшего Церковного Совета см.: Поместный Собор 1917–1918. Тексты Поместного Собора Православной Российской Церкви (1917–1918). — URL: <http://sobornost.online/2019/06/01/33-o-sozyve-ocherednogo-sobora-i-o-polnomochiyah-chlenov-svyashhennogo-sinoda-i-vysshego-czerkovnogo-soveta/> (дата обращения: 29.02.2024).

продвигала хиротонии собственного епископата (Соловьев 2005: 168–170).

Если бы не осуществился большевистский переворот и жизнь Русской Церкви не была бы столь разрушена, как на рубеже 20-х годов XX столетия, можно было бы ожидать развития не только республиканско-демократических и социалистических, но и иных внутрицерковных партий, которые отстаивали бы свои позиции на выборах. Но именно гонения объективно послужили остановке этих процессов.

В апреле 1923 года Московский епархиальный съезд принял «политическую резолюцию», в которой отмечалось, что «пятилетнее управление церковью патриарха Тихона имело определённую цель сохранить в церкви старый... быт в надежде восстановления падшего самодержавия» (Конфессиональная политика 2017: 442).

Обновленцы на своём так называемом Втором Всероссийском церковном соборе в мае 1923 году выдвинули в адрес патриарха Тихона обвинения в узурпации церковной власти. В своём постановлении от 3 мая 1923 года собор, подчёркивая «контрреволюционный характер деятельности патриарха Тихона», который в силу этого объявлялся им «отступником от подлинных заветов Христа» и «предателем церкви», одновременно ликвидировал патриаршество вообще. Мотивация при этом была такой: «Осуждая бывшего патриарха Тихона, как вождя не церковного, а контрреволюционного, собор признаёт, что и самое восстановление патриаршества было актом определённо политическим, контрреволюционным» (Конфессиональная политика 2017: 442). При этом подчёркивалось: «Древняя церковь не знала патриаршества, а управлялась соборно» (Конфессиональная политика 2017: 442). Поэтому обновленческий собор провозгласил упразднение патриаршества и утвердил строй, который получил название «собороправства».

Особенно упорная информационно-публицистическая борьба за «собороправство» разгорелась после смерти патриарха Тихона в 1925 году. К моменту публикации «Декларации» митрополита Сергия (Страгородского) можно констатировать окончательное теоретическое оформление в России идей внутрицерковной демократии.

Обновленцы из Российской православной церкви (Р.П.Ц.), оформленной на Втором Всероссийском Поместном соборе в 1923 году, пришли к своему форуму уже с несколькими епископами, хиротонисанными в брачном состоянии. В итоге на соборе они признали

«равночестность» «брачного» и «безбрачного» епископата (Поместный собор 1997: 844–867).

Однако у обновленцев существовало чёткое понимание того, что они вышли за рамки канонических норм. Дело в том, что к 1925 году, к моменту проведения так называемого Третьего Всероссийского Поместного собора (второго обновленческого), обновленцы вернулись к традиционному характеру богослужения, храмового устройства и даже юлианскому календарю — просто потому, что иначе от них отворачивались остатки прихожан. Впрочем, обновленцы и раньше в своей массе не служили на русском языке (буквально несколько общин перешли на него), не снимали иконостас и тем более не выносили престол на середину храма (известны два случая с 1918 по 1925 год и оба не в обновленческой Р.П.Ц.). Главным их отличием от Патриаршей Церкви являлась развитая республиканская система церковного устройства, а также наличие части женатых епископов. Эти явления осмысливались в контексте модернизации канонического права, что было возможно только на Вселенских соборах. С приходом на константинопольскую кафедру патриарха Мелетия (Метаксакиса) был поставлен вопрос о проведении такого собора. Его планировали созвать сначала в 1923-м, затем в 1925 годах. Обновленческий Синод создал специальную предсоборную комиссию, в «Вестнике Священного Синода Православной российской церкви» публиковалась масса полемических материалов о необходимости канонической реформы на уровне Вселенского Православия (Виталий (Уткин) 2022: 168–169).

В контексте республиканского мышления обновленцев Вселенский собор представлялся собранием демократически избранных представителей Поместных Церквей, собираемых раз в три-пять лет. Такое представительство надстраивало на Вселенском уровне всю демократическую систему, сложившуюся в ходе длительной политической борьбы русского белого духовенства за самоопределение и эмансипацию от иерархической власти. Более того, обновленцы предполагали пользоваться на международной арене в проведении своей программы силой СССР, соединить «самые передовые» церковно-демократические идеи с привлекательностью «самого передового общественного строя», победившего в ходе социальной революции (Виталий (Уткин) 2022: 170–171).

В итоге такого завершения русской демократической церковной революции с возглавлением ею Вселенского Православия можно было бы ожидать очень быстрой трансформации как канонического строя, так

и догматического вероучения, но уже в масштабе не только России, но и всей Православной Церкви в целом. То, что Советская власть в итоге не поддержала данные устремления, с точки зрения православного христианина трудно не рассматривать как действие Промысла Божия.

На теоретическом уровне «собороправство» было подробно разработано одним из видных участников григорианского раскола епископом Можайским Борисом (Рукиным) в его работе «О современном положении Русской Православной Патриаршей Церкви», изданной в феврале 1927 года. В ней епископ Борис настаивал, что деятельность митрополита Сергия (Страгородского) «представляет собой сплошное нарушение церковных канонов, кощунственное ниспровержение догматов Православия, оскорбление христианства в самой его сущности», и именно потому, что митрополит Сергий «повёл управление церковное единолично, самодержавно, усвоивши себе права, каких не имел патриарх, а в некоторых случаях даже Римский папа», причём «единоличное управление Церковью проводилось не случайно, а вполне сознательно, можно сказать, злонамеренно» (Лавринов 2018: 252–253).

Епископ Борис подчёркивал, что митрополит Сергий (Страгородский) упраздняет «догмат соборности», так как «единолично назначает и увольняет епископов и запрещает их в священнослужении», из-за чего сам он, с точки зрения автора брошюры, «не может быть не только епископом, но и простым православным христианином» (Лавринов 2018: 254).

Епископ Борис настаивает на православности утверждения о равенстве всех епископов, заявляет, что «патриархи никогда не были Главами Церкви, как утверждали и утверждают некоторые сторонники митрополита Сергия, допуская явную ересь» (Лавринов 2018: 250–251). Он опровергает утверждения, что «Патриарх есть орган Вселенского сознания Православной Церкви» или «уже особая, четвёртая степень священства», настаивает на связи подобной идеи с учением о Римском папе и противопоставляет такие утверждения «соборности» (Лавринов 2018: 254).

Однако, при обращении к особенностям интронизации московских митрополитов и затем московских патриархов до Никона включительно, мы видим совершенно устойчивую традицию повторной хиротонии, не имевшейся у греков. Даже если они уже были при поставлении на кафедру епископами, над ними совершалось новое архиерейское рукоположение, а в традициях патриаршего облачения присутствовали две епитрахили — одна надевалась как обычно, а вторая была нашита на патриарший

саккос (Желтов 2010: 128). При суде над патриархом Никоном повторная хиротония вменялась греками и правительственными чиновниками ему в вину, а он настаивал на её правильности («от испервых, како начася в царствующем граде Москве патриаршеский стол») и указывал, что патриарх Иов имел целых три архиерейские хиротонии (Севастьянова 2013: 34–36).

Таким образом, в русском церковном самосознании по никоновскую эпоху включительно сначала московский митрополит, затем патриарх действительно рассматривались не просто как обычный епископ, а как Глава Поместной Церкви. Этот вопрос, безусловно, нуждается в дальнейшей историко-канонической разработке.

Однако можно констатировать, что именно единоличная патриаршая власть, которая онтологически присутствует в постреволюционной Русской Церкви, по словам митрополита Сергия (Страгородского), «во всём её объёме» вне зависимости от именованного первого лица и положила предел более чем полувекового стремления к внутрицерковному республиканизму. В противном случае, как показывали планы обновленцев, при поддержке церковно-демократических тенденций со стороны Советской власти могла бы произойти подмена известного в истории феномена Вселенского собора на демократическое представительство Поместных Церквей, способное за короткий срок разрушить Вселенское Православие.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти, 1917–1943 / сост. и авт. примеч. М. Е. Губонин. — М. : Изд-во православ. Свято-Тихонов. богослов. ин-та : Братство во имя Всемилоственного Спаса, 1994. — 1063 с.

Балакшина Ю. В. Братство ревнителей церковного обновления (группа «32-х» петербургских священников), 1903–1907 : документальная история и культурный контекст. — 2-е изд., испр. — М. : Свято-Филаретовский православно-христианский ин-т, 2015. — 421 с.

Виталий (Уткин И. Н.), игум. Н. Тема Вселенского собора в обновленческой печати 20-х годов XX века // Вестник Омской православной духовной семинарии. — 2022. — № 13. — С. 168–173.

Виталий (Уткин И. Н.), игум. Политические идеи и политическая борьба дореволюционного русского духовенства (на примере Рязанской епархии) // Ортодоксия. — 2021. — № 1. — С. 125–159.

Ганелин Р. Ш. Россия и США : Очерки истории рус.-америк. отношений. 1914–1917 / АН СССР. Ин-т истории СССР. Ленингр. отд-ние. — Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1969. — 417 с.

Желтов Михаил, свящ. Интронизация // Православная энциклопедия. Т. XXIII. — М. : ЦНЦ «Православная энциклопедия», 2010. — С. 124–131.

История Русской церкви. Кн. 9: 1917–1997 / Протоиерей Владислав Цыпин. — М. : Изд-во Спасо-Преображ. Валаам. монастыря, 1997. — 830, [1] с.

К церковному собору : сб. / Группа петерб. священников. — СПб. : тип. М. Меркушева, 1906. — [2], X, 220 с.

Конфессиональная политика советского государства. 1917–1991 : документы и материалы : в 6 т. / Архив Президента Российской Федерации (АП РФ) [и др.]. Т. 1, Кн. 4: 1917–1924 гг. Кн. 4: Религиозные объединения, духовенство и верующие, общественные организации и граждане о вероисповедной политике советского государства и религиозной ситуации в стране. Т. 1, Кн. 4 / сост. М. И. Одинцов (ответственный составитель) [и др.]. — М. : РОССПЭН, 2017. — 797, [1] с.

Лавринов Валерий, прот. Временный Высший Церковный Совет и его роль в истории Русской Православной Церкви (1925–1945). — М. : Общество любителей церковной истории, 2018. — 603 с.

Мазырин Александр, свящ. Кирилл (Смирнов) // Православная энциклопедия. Т. XXXIV. — М. : ЦНЦ «Православная энциклопедия», 2014. — С. 362–377.

Митрополит Сергей (Страгородский). Творения / сост. Т. Г. Сидаш. — СПб. : Издательский проект «Квадриум», 2020. — 751 с.

Поместный собор Российской Православной церкви 1923 года (обновленческий). Бюллетени // История Русской Православной Церкви. Новый патриарший период. Т. 1. 1917–1970 / под ред. М. Д. Данилушкина. — СПб. : Воскресение, 1997. — С. 842–867.

Послание Святейшего Правительствующего Синода ко всероссийской пастве : «К верным чадам Православной Российской Церкви» // Церковные ведомости. — 1917. — № 9–15. — С. 57.

Ради мира церковного: Жизненный путь и архипастырское служение святителя Агафангела, митрополита Ярославского, исповедника. Книга вторая / сост. И. Г. Менькова, при участии диакона Александра Мазырина и Е. И. Большаковой. — М. : Изд-во ПСТГУ, 2006. — 568 с.

Рогозный П. Г. Православная церковь и русская революция : очерки истории 1917–1920. — М. : Весь мир, 2018. — 303 с.

Савва (Тутунов), архиеп. Епархиальные реформы : круглый стол по религиозному образованию и диаконии : дискуссии в Православной Российской Церкви начала XX века : Поместный Собор 1917–1918 гг. и предсоборный период. — М. : Духовная библиотека, 2011. — 495 с.

Сафонов Дмитрий, свящ. Святитель Тихон, патриарх Московский и всея России, и его время. — 2-е изд. — М. : Познание, 2019. — 601, [2] с.

Святитель Тихон. Патриарх Московский и всея России: сб. / сост. А. А. Маркова — М. : Благовест, 2013. — 509, [1] с.

Священномученик Архиепископ Уфимский Андрей (Ухтомский). Труды / сост. Т. Г. Сидаш, С. Д. Сапожникова; статья Т. Г. Сидаша. — СПб. : Свое издательство, 2013. — 1284 с.

Священномученик Иосиф, митрополит Петроградский: Жизнеописание и труды / сост. М. С. Сахаров и Л. Е. Сикорская. — 2-е изд., испр. и доп. — М. : Братонез ; СПб. : Кифа, 2011. — 648 с.

Севастьянова С. К. Повторная хиротония в трактовке патриарха Никона. — Сибирский филологический журнал. — 2013. — № 4. — С. 30–36.

Сергий (Страгородский), архиеп. О составе ожидаемого чрезвычайного поместного собора русской Церкви // Церковный вестник. — 1905. — № 51–52. — С. 1608–1612.

Соловьёв Илья, свящ. «Живая церковь» // Православная энциклопедия. Т. XIX. — М. : ЦНЦ «Православная энциклопедия», 2008. — С. 168–172.

Фёдоров В. А. Всероссийский союз демократического духовенства и мирян // Православная энциклопедия. Т. IX. — М. : ЦНЦ «Православная энциклопедия», 2005. — С. 686.

Шкаровский М. В. Иосиф (Петровых) // Православная энциклопедия. Т. XXV. — М. : ЦНЦ «Православная энциклопедия», 2011. — С. 649–653.

Сведения об авторе:

Игумен Виталий (И. Н. Уткин) — кандидат политических наук, доцент кафедры богословия Российского православного университета святого Иоанна Богослова, секретарь Архиерейского совета Ивановской митрополии, 127051, Россия, Москва, Крапивенский пер., 4, e-mail: inok_vitl@mail.ru

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 03.02.2024; одобрена после рецензирования 11.02.2024; принята к публикации 21.02.2024.

Hegumen Vitaly (I. N. Utkin)

RUSSIAN ORTHODOX UNIVERSITY OF SAINT JOHN THE DIVINE, MOSCOW, RUSSIA

“The Patriarchal Authority Always Remains Present in the Church in its Entirety”: Patriarch Tikhon, Metropolitan Sergius (Stragorodsky) and the Ideas of Church Democracy

Abstract. The sharp criticism expressed by opponents towards Patriarch Tikhon and Metropolitan Sergius (Stragorodsky) was not so much related to their complimentary statements towards the Soviet government (Patriarch Tikhon’s such statements have been known since 1923), but rather to their methods of governance. Opponents believed that Patriarch Tikhon and Metropolitan Sergius were dismantling the established church democracy that had emerged as a result of the Local Council of 1917–1918. In the early 20th century, such democracy was called conciliarity, which

implied church representation, a system of elections from the bottom up with a periodicity of several years. The ideas of intra-church republicanism were actively developing throughout the second half of the 19th and early 20th centuries. The system of representative church institutions established after the spiritual-school reform at the deanery and diocesan levels served as a school of democracy for the Russian clergy for half a century. Republican ideas were still strong at the Local Council of 1917–1918. They were the main basis for opposing the plans to introduce patriarchy. The ordinations of married priests to bishops without taking monastic vows by the renewalists, and then the recognition of a married episcopate at the so-called Second All-Russian Local Council of 1923, led the R.O.C. (Russian Orthodox Church) of the renewalists beyond the canonical field, which the renewalists were well aware of. Therefore, they sought to superimpose the church democratic system that had formed within their structures after the “abolition” of patriarchy in 1923 to a universal level. Together with the Greeks, the renewalists developed plans for the periodic regular holding of representative assemblies of Local Churches, which they called Universal Councils. These councils were envisaged as a radical transformation of both the canonical structure and, subsequently, the dogmatic teachings of the Orthodox Church. Thus, under favorable historical circumstances, the development of Russian church republicanism could fundamentally undermine the foundations of Universal Orthodoxy. However, patriarchal authority in post-revolutionary Russia stood in the way of these plans. Such actions by the patriarchal authority require a closer look at the perception of the Moscow metropolitan, and then the patriarch in the Russian church consciousness of the 15th–17th centuries, where the fact of repeated episcopal ordination indicates that the Head of the Church was not simply one of the bishops.

Keywords: Church, Patriarch Tikhon, Metropolitan Sergius, authority, renewalism, church democracy, republicanism, elections, council, ordinations

For citation: Vitaly (Utkin, I. N.), Hegumen. (2024). “The Patriarchal Authority Always Remains Present in the Church in its Entirety”: Patriarch Tikhon, Metropolitan Sergius (Stragorodsky) and the Ideas of Church Democracy. *Orthodoxia*, (2), 206–233. [In Russian]. DOI: 10.53822/2712-9276-2024-2-206-233

REFERENCES:

Akty Sviateishogo Tikhona, Patriarkha Moskovskogo i vseia Rossii, pozdneishie dokumenty i perepiska o kanonicheskom preemstve vysshei tserkovnoi vlasti, 1917–1943 [Acts of His Holiness Tikhon, Patriarch of Moscow and All Russia, Later Documents and Correspondence on the Canonical Succession of the Supreme Church Authority, 1917–1943]. (1994). Moscow : Izd-vo Pravoslav. Sviato-Tikhonov. bogoslov. in-ta : Bratstvo vo imia Vsemilostivogo Spasa. [In Russian].

Balakshina, Iu. V. (2015). *Bratstvo revnitelei tserkovnogo obnoveniia (gruppa “32-kh” peterburgskikh sviashchennikov), 1903–1907 : dokumental’naia istoriia i kul’turnyi kontekst* [Brotherhood of Zealots of Church Renewal (a Group of “32” St. Petersburg Priests), 1903–1907 : Documentary History and Cultural Context]. Moscow : Sviato-Filaretovskiy pravoslavno-khristiansky in-t. [In Russian].

Vitaly (Utkin I. N.), Hegumen. (2022). Tema Vselenskogo sobora v obnovencheskoi pechati 20-kh godov XX veka [The Theme of the Ecumenical Council in the Renovatianist Press of the 20s of the XX Century]. *Vestnik Omskoi pravoslavnoi dukhovnoi seminarii*, (13), 168–173. [In Russian].

Vitaly (Utkin I. N.), Hegumen. (2021). Politicheskie idei i politicheskaia bor’ba dorevoliutsionnogo russkogo dukhovenstva (na primere Riazanskoi eparkhii) [Political Ideas and the Political Struggle of the Pre-Revolutionary Russian Clergy (on the Example of the Ryazan Diocese)]. *Orthodoxia*, (1), 125–159. [In Russian].

Ganelin, R. Sh. (1969). *Rossia i SShA : Ocherki istorii rus.-amerik. otnoshenii. 1914–1917* [Russia and the USA : Essays on the History of the Russian-Americas. Relationships. 1914–1917]. Leningrad : Nauka. Leningr. otd-nie. [In Russian].

Zheltoy, M., Priest. (2010). Intronizatsiia [Enthronement]. In *Pravoslavnaia entsiklopediia* (Vol. XXIII, pp. 124–131). Moscow : TsNTS “Pravoslavnaia entsiklopediia”. [In Russian].

Istoriia Russkoi tserkvi. Kn. 9: 1917–1997 [The History of the Russian Church. Book 9: 1917–1997]. (1997). Moscow : Izd-vo Spaso-Preobrazh. Valaam. monasterya. [In Russian].

K tserkovnomu soboru : sb. [To the Church Synod : Collection]. (1906). Saint Petersburg : tip. M. Merkusheva. [In Russian].

Konfessional’naia politika sovetskogo gosudarstva. 1917–1991 : dokumenty i materialy : v 6 t. [The Confessional Policy of the Soviet State. 1917–1991 : Documents and Materials : in Six Volumes]. (2017). Moscow : ROSSPEN. [In Russian].

Lavrinov, V., Archpriest. (2018). *Vremennyi Vysshyy Tserkovnyi Sovet i ego rol' v istorii Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi (1925–1945)* [The Provisional Supreme Church Council and Its Role in the History of the Russian Orthodox Church (1925–1945)]. Moscow : Obshchestvo liubitelei tserkovnoi istorii. [In Russian].

Mazyrin, A., Priest. (2014). Kirill (Smirnov). In *Pravoslavnaia entsiklopediia* (Vol. XXXIV, pp. 362–377). Moscow : TsNTs “Pravoslavnaia entsiklopediia”. [In Russian].

Metropolitan Sergius (Stragorodsky). (2020). *Tvoreniia* [Creations]. Saint Petersburg : Izdatel'sky proekt “Kvadrivium”. [In Russian].

Pomestnyi sobor Rossiiskoi Pravoslavnoi tserkvi 1923 goda (obnovlencheskii). Biulleteni [The Local Synod of the Russian Orthodox Church in 1923 (Renovationist). Bulletins]. (1997). In *Istoriia Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi. Novyi patriarshii period* (Vol. 1. 1917–1970, pp. 842–867). Saint Petersburg : Voskresenie. [In Russian].

Poslanie Sviateishego Pravitel'stvuiushchego Sinoda ko vserossiiskoi pastve : “K vernym chadam Pravoslavnoi Rossiiskoi Tserkvi” [The Message of the Holy Governing Synod to the All-Russian Flock : “To the Faithful Children of the Orthodox Russian Church”]. (1917). *Tserkovnye vedomosti*, (9–15), 57. [In Russian].

Radi mira tserkovnogo: Zhiznennyi put' i arhipastyrskoe sluzhenie sviatitelia Agafangela, mitropolita Iaroslavskogo, ispovednika. Kniga vtoraiia [For the Sake of Church Peace: The Life Path and Archpastoral Ministry of St. Agafangel, Metropolitan of Yaroslavl, Confessor. Book Two]. (2006). Moscow : Izd-vo PSTGU. [In Russian].

Rogoznyi, P. G. (2018). *Pravoslavnaia tserkov' i russkaia revoliutsiia : ocherki istorii 1917–1920* [The Orthodox Church and the Russian Revolution : Essays on the History of 1917–1920]. Moscow: Ves' mir. [In Russian].

Savva (Tutunov), Archbishop. (2011). *Eparkhial'nye reformy : kruglyi stol po religioznomu obrazovaniiu i diakonii : diskussii v Pravoslavnoi Rossiiskoi Tserkvi nachala XX veka : Pomestnyi Sobor 1917–1918 gg. i predsobornyi period* [Diocesan Reforms : a Round Table on Religious Education and Diaconry : Discussions in the Orthodox Russian Church of the Early Twentieth Century : The Local Council of 1917–1918 and the Pre-Council Period]. Moscow : Dukhovnaia biblioteka. [In Russian].

Safonov, D., Priest. (2019). *Sviatitel' Tikhon, patriarkh Moskovskii i vseia Rossii, i ego vremia* [St. Tikhon, Patriarch of Moscow and All Russia, and His Time]. Moscow : Poznanie. [In Russian].

Sviatitel Tikhon. Patriarkh Moskovskiy i vseia Rossii: sb. [St. Tikhon. Patriarch of Moscow and All Russia: [Collection]]. (2013). Moscow : Blagovest. [In Russian].

Sviashchennomuchenik Arkhiepiskop Ufimsky Andrei (Ukhtomsky). Trudy [Hieromartyr Archbishop Andrey of Ufa (Ukhtomsky). Works]. (2013). Saint Petersburg : Svoe izdatel'stvo. [In Russian].

Sviashchennomuchenik Iosif, mitropolit Petrogradsky: Zhizneopisanie i trudy [Hieromartyr Joseph, Metropolitan of Petrograd: Biography and Writings]. (2011). Moscow : Bratonezh; SPb.: Kifa. [In Russian].

Sevastianova, S. K. (2013). Povtornaia khirotoniia v traktovke patriarkha Nikona [Repeated Ordination in the Interpretation of Patriarch Nikon]. *Sibirskiy filologicheskii zhurnal*, (4), 30–36. [In Russian].

Sergy (Stragorodsky), Archbishop. (1905). O sostave ozhidaemogo chrezvychainogo pomestnogo sobora russkoi Tserkvi [On the Composition of the Expected Extraordinary Local Council of the Russian Church]. *Tserkovnyi vestnik*, (51–52), 1608–1612. [In Russian].

Solovev, I., Priest. (2008). “Zhivaia tserkov” [“The Living Church”]. In *Pravoslavnaia entsiklopediia* (Vol. XIX, pp. 168–172). Moscow : TsNTs “Pravoslavnaia entsiklopediia”. [In Russian].

Fedorov, V. A. (2005). Vserossiiskii soiuz demokraticeskogo dukhovenstva i mirian [All-Russian Union of Democratic Clergy and Laity]. In *Pravoslavnaia entsiklopediia* (Vol. IX, p. 686). Moscow : TsNTs “Pravoslavnaia entsiklopediia”. [In Russian].

Shkarovsky, M. V. (2011). Iosif (Petrovykh). In *Pravoslavnaia entsiklopediia* (Vol. XXV, pp. 649–653). Moscow : TsNTs “Pravoslavnaia entsiklopediia”. [In Russian].

About the author:

Hegumen Vitaly (I. N. Utkin) — Candidate of Political Sciences, Associate Professor of the Department of Theology at the Russian Orthodox University of Saint John the Divine, Secretary of the Bishops' Council of the Ivanovo Metropolia, 4, Krapivensky pereulok, Moscow, Russia, 127051, e-mail: inok_vitl@mail.ru

Conflict of interest:

The author declares no conflict of interests.

The article was submitted 03.02.2024; approved after reviewing 11.02.2024; accepted for publication 21.02.2024.